

НИКОЛАЙ ВОРОНОВ

ДОЛИНА
РИОНА

Николай Ильич Воронов

Долина Риона

Аннотация

«Черное море на этот раз глядело действительно черным. В глубоких волнах его отражались одни лишь тучи, заслонявшие все небо. Мы плыли в нескольких милях от Мингрелии, но берега ее казались с палубы парохода неясным призраком. Сверху падал мелкий дождь, снизу поднимался туман, от берега также сквозь дождь полз туман: все бралось сыростью, все глядело кисло, неприветливо...»

Содержание

Николай Воронов

Долина Риона

(Из путевых воспоминаний)

Черное море на этот раз глядело действительно черным. В глубоких волнах его отражались одни лишь тучи, заслонявшие все небо. Мы плыли в нескольких милях от Мингрелии, но берега ее казались с палубы парохода неясным призраком. Сверху падал мелкий дождь, снизу поднимался туман, от берега также сквозь дождь полз туман: все бралось сыростью, все глядело кисло, неприветливо.

Вдруг море изменило свой цвет. Черные его воды как бы разом загрязнились, помутясь посторонними примесями, и пошли переливаться то свинцом, то аспидом, то охрой. Оглянувшись назад, можно было ясно очертить границу этой мутной воды, от которой чистые волны моря вежливо уклонялись, как бы боясь от нее загрязниться. А между тем эта загрязненная всякими примесями масса воды когда-то считалась священной... Словом, мы вступили в бассейн Риона, древнего Фазиса – одной из четырех великих рек земного рая; водою этой реки, по словам греческих географов, древние моряки запасались как святыней и как лучшею водою в мире...

А от берега все еще отделяло нас несколько миль. Не ско-

ро туманные очерки его обозначились определенной поло-
сою леса, густого, точно бесконечного леса, выпускавшего из
себя двумя рукавами всю обильную массу рионской воды. В
устьях этих рукавов вода вздымалась белыми гребнями: это
речной бар, не пускающий в Рион большие суда, почему и
наш пароход бросил якорь в почтительной дистанции от этой
сердито-пенящейся преграды.

Глядя на сплошь поросший лесом берег, трудно догадать-
ся, что мы пристали к портовому городу: его и не слышать и
не видеть. Правда, у самого леса заметны два-три шалаша –
вероятно, для таможенной стражи, а на просторном, откры-
том с моря рейде покачиваются на волнах всего два-три ка-
зачьих сторожевых баркаса. Но не сомневайтесь, порт здесь
действительно есть, и в доказательство этого – смотрите –
из лесной чащи дымит уже маленький пароход, скользит и
прыгает по белеющему речному бару... Вот он добегает к на-
шему грузному судну, забирает пассажиров и кладь и снова
убегает в лесную тущобу. Стало быть, где-нибудь же най-
дем мы пристанище, отыщем порт...

И вот на этом маленьком пароходе мы вошли в южный ру-
кав Риона. Справа – лес, слева – лес; идем этой аллеей вер-
сты две, идем шибко по мутной извилистой реке, шириной
в этом месте саженой в шестьдесят, и, наконец, направо по-
казываются людские жилища – небольшая куча деревянных
домиков, всех с полсотни, да и те смотрят не то бараками,
не то амбарами, а за ними – серые стены полуразрушенной

крепости. Это и есть портовый город Потти.

Впрочем, не беда, что он такой маленький и неказистый. Ведь он еще дитя – порт, не проживший и десяти лет. Куда ж ему выситься и шириться! Благо уж, что он, как ни на есть, стоит и не увяз в этой лесной и болотной труппе. И что он не увязнет – в этом порукой могут служить его патроны, которые ухаживают за ним с отеческой заботой, планируют его, обстраивают и устраивают. Дай же ему Бог всяческого благоденствия!¹

Но – пока соорудят здесь гавань, пока проведут к ней железную дорогу, пока, наконец, минет детство этого порта и станет он выситься, шириться, служа настоящими воротами для торговли Закавказья с Европой, – все же не мешает оглядеть его теперь как калитку этих будущих ворот. С виду она действительно не очень пригожа. Пристанью служит какая-то стенка, подле которой склепано несколько досок. Затем – тут же и весь город: улицы узенькие, тротуаров нет, хотя почва топкая, а деревянные домики – весьма оригинальной постройки. Так как местность здесь болотистая, то придумали ставить строения на бревнах, вышиною в один и в два аршина; на эти бревна кладутся балки, на балках же настиляется пол, и возводится весь бревенчатый остов дома. Такой способ постройки, вероятно, очень удобен для со-

¹ Об устройстве порта в Потти и о предпринятых на этот случай работах смотрите статьи господина Шаврова, Морск. сборник. 1863 г. № 12, а также № 4, и 1862 г. № 9 и 10.

бак и свиней, которые под домами всегда могут находить для себя прохладные прогулки и спокойные ночлеги... Болотистую почву города предположено осушить дренажом, для чего прорыты и канавы; но вода, собираясь в них, не находит стока и гниет, заражая и без того нездоровый воздух, тогда как, казалось бы, можно было дать сток этой воде прямо в Рион. На торговую роль города намекают только стоящие у пристани турецкие кочермы и мингрельские каюки.

Однако, чтобы поскорее скрасить всю неблагоприятную наружность дитяти-порта, спешу сказать, что уже и теперь, при всей ничтожности стоящего здесь каботажа, чрез Потю ввозится товаров на 700 тысяч, а вывозится почти на 4 миллиона рублей, что для торговой калитки Закавказья, согласитесь, очень и очень немало².

Но и этого еще недостаточно для совершенного оправдания неблагоприятной наружности потийского порта; нужно вспомнить кое-что из прошлого об этом местечке. Не залезая в глубь времен, не тревожа праха ни Язона, ни Медеи, не поминая лихом даже турок, построивших потийскую крепость, довольно для нашей цели коснуться истории этого поселения лишь с тех пор, когда на устьях Риона окончательно утвердились русские. Тотчас же возникла было мысль основать здесь порт для всего Закавказья. Мысль перешла и в дело. В самый 1828 год переселили сюда жителей Редута и учредили порт. Но десять лет спустя, говорят, вследствие

² Бирж. вед. 1864 г. № 223.

злейших лихорадок, упразднили потийскую крепость, а порт с жителями перенесли обратно в Редут. Наконец, в 1856 году снова повернули порт в Потю и опять потревожили жителей Редута... Вспоминая это прошлое, потийские обыватели недоумевали, как им быть: а оттого-то они плохо и обстраиваются... Капитальные постройки, предпринятые в последнее время по устройству потийской гавани, могут удостоверить долго кочевавших портовиков-жителей, что кочевке их настал конец.

Что до меня, то я верю в возможность будущего для Потю как порта. На юге России, далеко при менее благоприятных обстоятельствах, существуют же портовые города. Ради привилегий и свободы от рекрутской и гильдейской повинностей, в них обыкновенно стекается бедный скитальческий люд, а ради торговли понемногу собираются сюда греки, армяне, наконец, появляются русские чиновники, и станет порт официально существовать во всем как следует, представляя из года в год ведомости о количестве ввоза и вывоза, о числе приходивших и уходивших кораблей... Наружность его, при усердии начальства и обывателей, приукрасится и городским садом, и бульваром, и даже – публичной библиотекой, словом – всем благоустройством наших южных, созданных свыше, привилегированных портов. Так было с другими местечками, возведенными в портовый чин, – отчего же не случится этому и с Потю? Я верю даже, что с ним и лучшее что-нибудь случится... Он уж и теперь имеет

городской сад, хотя не устроил еще достаточных помещений для склада транзитных товаров, которые иногда долго совершенствуются, лежа под открытым небом. Видно, по южному своему темпераменту он больше склонен к удовольствиям, чем к холодным расчетам.

Я очень неравнодушен к будущей его участи; в мое чувство к нему я желал бы увлечь и читателя. А потому поведу вас еще в потийскую крепость, от которой, как от центра, пойдут радиусами улицы будущего города к самому морю. В потийской крепости есть цветы и деревья, и притом, какие цветы и какие деревья! Здесь та тощая гортензия, которую мы выращиваем в горшках, разрослась в громадные кусты, которые куда повыше нас с вами, читатель, и куда пошире наипространнейшего вашего кринолина, читательница! А сколько аромата от золотистых цветов азалии, и какие тут розы, жасмины, лилии и гвоздики! Здесь единственная в России рощица лимонных и померанцевых деревьев... К сожалению, жестокие морозы зимы шестьдесят первого года проникли даже и в этот вполне тепличный уголок Закавказья; от них померанцевые и лимонные деревья в Потии значительно пострадали, так что пришлось их вырубить и дать рост только молодым их побегам... Зато все еще какая тут темная глянцеви́тая зелень от густой листвы миртовых, лавровых, фиговых деревьев, среди которой местами как жар горят ярко-пунцовые цветы граната! Словом: в этой крепостце, построенной в XVI веке турецким генералом Мустафою

во время войн турок с персами, заглушенной потом в тридцатых годах настоящего столетия, возник теперь хорошенький сад, который может служить выставкой здешней богатейшей флоры. В стенах этой крепости воинственными ее обитателями служат разве одни скорпионы, да и те, говорят, от влажности здешнего климата не очень-то ядовиты.

Едва пришлось мне проплыть немного от Поты вверх по Риону, как я услышал возгласы пассажиров: «Что за прелесть! Да это наша Бразилия!».

Не знаю, какова настоящая американская Бразилия, а наша, пририонская, глядит действительно вызывающе на возглас поэтической дичью. Направо – берег Гурии, налево – берег Мингрелии одинаково заросли густым-прегустым девственным лесом; полоса реки, шириною сажень в 200, сереет главной водной аллеей в гуще нескончаемой зелени, а зелень эта глядит перепутанной, скомканной из разнообразной листвы и разнокалиберных стволов чащей. Берега – низменные; корни прибрежных деревьев постоянно моются в воде, а ветви наклоняются к самой поверхности реки. Справа и слева в Рион течет много притоков; все они пробиваются из такого же непроглядного леса; взглянешь в полоску их течения, и опять перед вами сереют боковые водные аллеи, в которых также купаются ветви прибрежных деревьев и кустов. Глушь неприветливая, давящая сердце; простору совсем нет; в воздухе – душные испарения – не то туман, не то мелкий дождь; растительность точно глушит жизнь всего, что

не дерево, не куст, не былинка... Но это только кажется так. А прислушайтесь в тишине вечера к животной жизни этих трущоб: сколько шелеста, шуму и крику! От возни древесного червяка, который, как часовой маятник, стучит в каждом дереве, от жужжания бесчисленных мошек и комаров, от всплеска рыбы на поверхности речной до тысячеголосного кваканья лягушек, до пронизательного крика шакалов – сколько тут разнохарактерных голосов животной природы!

Чем выше, однако, от устья Риона, тем здешние леса все больше теряют вид никем не обитаемой трущобы. На странный среди этой дичи шум колес парохода, особенно же на свисток паровика, начинают выбегать на берег жильцы этих древесных чащ – люди и животные. Те и другие ведут себя совершенно одинаково: большую часть, убежав из-за кустов, наостряют уши по направлению к изумившему их шуму, глядят долго, стоя, как вкопанные, и вдруг – быстрым поворотом назад скрываются в непроглядных кустах. Редкий смельчак из людей простоит на берегу и в ту минуту, когда мимо него скользит пароход, и если уже простоит, то нельзя не залюбоваться его свободной и грациозной позой. Что за красивое племя! Мужчина ли, женщина – одинаково проворные – бегут они на берег, как стройные гончие, вытягивают шеи вперед, точно нюхают воздух, – и вдруг остановятся, точно замрут в этой стремительной позе. Живая модель для художника! А одежды на них всего какая-нибудь цветная тряпка; на головах – одни выющиеся черные кудри; ребятиш-

ки же выбегают и совсем нагие... Помню, в одном месте берега дала осмотреть себя целая семья этих пририонских дикарей. Кто сидел на траве, кто оперся спиной о дерево, все – в самых непринужденных позах, а впереди, у самого берега, полулежала изжелта-смуглая нагая женщина, глядевшая на пароход совсем как безумная: черные, скомканные косы падали у ней на отвислые желтые груди, глаза ее не моргнули ни разу, точно окаменелые, а изо рта текли слюни... Холодом обдал меня вид этой библейской прокаженной...

Еще выше по Риону – и в лесной чаще, на несколько приподнятых над водой берегах, начинают попадаться маленькие поляны с жилищами туземцев. Все это – отдельные дворы, огороженные кустарником или же досками, перевитыми плющом, тыквами, хмелем. В тени отдельно растущих раскидистых каштанов или яворов стоит обыкновенно приземистая бревенчатая сакля, без окон, без трубы, с соломенной крышей, которая напередопирается на пять столбов с резными перилами. Под этим передним навесом, составляющим почти половину всей сакли, прохлаждаются жители большую часть дня; в избе только спят или возятся около очага. На дворе – и поле: тут и кукуруза шуршит своими широкими листьями, тут кустится и гоми – здешнее плодовитое просо, тут и виноградная лоза вьется по стволу гиганта-орешника, обильно убираясь фиолетовыми гроздьями. Все эти дары природы здесь нипочем: виноград – общая собственность; за лукошко грецких орехов с вас много за-

просят – шаур, то есть 5 копеек; а местный хлеб из гоми – самую обычную пищу туземцев – и даром не берите: это вполне камень-хлеб...

Еще и еще выше по Риону – и плыть становится все отраднее. Дичь и глушь лесная редееют; горизонт расширяется; к берегам реки подходят живописные холмы, а над ними все картиннее встают горы в самых прихотливых очерках. Изгибы Риона учащаются. Один поворот – и перед вами, поверх лесного моря, встают в туманной дали громады Кавказа с серебристыми ледяными вершинами, то зубчатую стеной, то широкими шатрами, то наподобие остроконечных сахарных голов; другой поворот – и так близко, что, кажется, рукой бы их взять, приходят изгибы ахалщыхской гряды, с золотистыми полянами на скатах, с темными сосновыми рощами на перевалах, с голыми ребрами красных скал на вершинах; еще поворот, и опять белеют в отдалении снеговые громады, но уж не Кавказа, а Анатолии, и к ним, покрываясь мглой, расстилается другое лесное море. Повороты так часты, что не успеешь осмотреться; все же самым заманчивым ландшафтом глядятся все ближе и ближе подходящие холмы Имеретии. Их нежный светло-зеленый колорит, их мягкие, озолоченные солнцем изгибы так приветливо смотрят, что поскорее бы к ним – из этой пририонской лесной трущобы, пропитанной сыростью, затянутой тяжелыми болотными испарениями, – из этой области воды и леса...

С такими ощущениями доезжаешь до Усть-Цхенис-Цха-

ли. Только до этого местечка и доходят пароходы. Выше – Рион уж вполне горная река; там он течет по каменному ложу, бурлит, пенится, хлещет волною в гранитные глыбы и шумит-шумит каскадами...

При мелководье проезжающим по Риону приходится тянуться на туземных каюках – допотопного устройства плоскодонных лодках, поднимающих 300-500 пудов груза. На таких каюках делают переезд в 80 верст в несколько дней, подвергая себя и жалам множества комаров, и ливням здешних дождей, и припеку здешнего жгучего солнца. Большое уж благо, если на каюке есть навес, хотя бы из свежих виноградных лоз, даже с кистями спелого винограда... Местами тянут эти каюки бичевой, местами подталкивают их на шестах. Беда, если навстречу им несется пароход: каюки нагружаются вплотную, а борты у них низкие, так что прибой внезапной волны чуть не заливаает их вконец. Тут-то крику и брани на этого шайтана, на этот пароход – заморскую выдумку! Тем не менее весь почти груз отправляющими чрез Потю за границу перевозится на этих длинных ящиках-лодках. На них грузят нухинский шелк, эриванский хлопок, имеретинский маис, грузинскую овечью шерсть и прочее.

Вообще фарватер Риона глубок, но он часто меняется. Где сегодня удалось пароходу пройти свободно, там завтра он может врезаться в мель. Но еще большая помеха плаванию по Риону – карчи, подводные деревья, пустившие корни свои на дне реки и выглядывающие из-под воды только верхуш-

ками или, что еще хуже, вовсе не выглядывающие: попадет на такое подводное дерево пароход и как раз разобьет свои колеса. Кормчий зорко следит за рябью бегущей реки; где эта рябь берется кругами, где она расстилается гладью или же маслится, там наверно засела на дне карча. Также немало затруднений управлять пароходом вниз по течению: река быстра и к тому же извилиста; на крутых поворотах часто приходится носом толкаться в берег и отваливать от него груды земли; хорошо, что грунт мягкий...

Усть-Цхенис-Цхали или Марань – местечко на правом берегу Риона, при впадении в него реки Цхенис-Цхали, – обстроились заново после восточной войны, на месте старой Марани, сожженной нашими войсками. Здесь есть довольно благоустроенная станция, так как отсюда начинается уже шоссе́нный путь через Имеретию в Тифлис; есть площадь, застроенная духанами; есть хорошенькие, в русском духе домики, принадлежащие поселенным тут скопцам. Бесконечно тянувшийся доселе пририонский лес в окрестностях Марани переходит в бесконечный сад – библейский рай, не насаженный руками человека. Таким именно раем и слывет Имеретия в устах народа. Тут уже не так сыро, как в низовьях Риона: маранская станция уже на 67 футов выше моря, тогда как Потти лишь на 5. Все же и здесь ощущается значительная влажность воздуха; мгла незаметно стелется между зеленью дерев, дальние очерки гор Кавказа и Анатолии плавают в светлых испарениях, мягко и нежно сливаются окра-

ины земли и неба...

Рыночный день, как и во всем здешнем крае, в Марани бывает в пятницу, накануне еврейского шабаша: обычаи евреев вообще распространены на востоке... В силу этого в Мингрелии на неделю приходится три нерабочих дня: пятница как базарный день, суббота как праздник восточный и воскресенье как праздник христианский. На маранский базар сходятся окрестные жители не столько для торга, сколько для гульбы и щегольства нарядами: это вполне праздник и выставка красивых, кокетливых туземок... Мингрелки и гурянки спешат сюда не столько с целью продать фазана, или корзину орехов, или другой какой пустячок, сколько – себя показать...

Но любоваться здешними красавицами могут одни скопцы, поселенные в Марани целою колонией. Еще в 1826 году генерал Ермолов собрал этих фанатиков со всего кавказского края и, составивши из них инвалидную роту, поселил при Рионе. В этой нездоровой местности они обязаны были тяжкою работою сплавлять по рекам Мингрелии фураж и провиант к взморью – к Редуту и к рионскому форту. Такое специальное назначение хорошо ознакомило их с краем и приучило к речному плаванию, так что они сделались ловкими коммерсантами и опытными лоцманами. В настоящее время для всякого приезжего в этот край скопцы – истинное сокровище: только у них можно найти помещение в их опрятных жилищах; у них только можно нанять лошадей и повозку, у

них запасетесь и провизией на дорогу: икрой, рыбой, птицей, хлебом; они – скупщики местных произведений, они и на пароходах рионских служителями и кормчими. Ермоловым было собрано их сюда до 300 человек; по статистическим сведениям за 1855 год, их считалось уже всего 165 мужчин и 6 женщин; теперь их, вероятно, еще меньше. К ним принадлежат люди разных краев России и разных званий. Считают они себя в числе православных, хотя цитируют такие места из Священного Писания, каких в нем вовсе нет. Впрочем, нужно сказать по правде, в их верование трудно проникнуть: они скрытничают, не открываясь в своих религиозных убеждениях, никого и ни за что не допуская подглядеть свои мистерии, совершающиеся у них по субботам и воскресеньям. У них есть свои жрецы или проповедники; кажется, проповедями этих главных фанатиков и держится секта. Скопцы – большие постники; они не едят мяса, не пьют вина. Все одинаково отзываются об их трудолюбии, честности, вежливости и деликатности в обхождении; в обстановке своей они опрятны и чистоплотны. Наружность их невольно бросается в глаза. Это все длинные и тощие фигуры; на них солдатские серые шинели мотаются неуклюже, как на вешалках. Лица – больше бабьи, чем мужские. На щеках, желтых и брюзглых – ни кровинки; глаза мутные, оловянные; губы тонкие, высохшие; усы и борода не растут. На всех их один и тот же отпечаток выражения, и с трудом отличаешь одно лицо от другого. Вообще видом своим они напоминают исхудалых обитателей

какого-нибудь госпиталя; их серые обвислые шинели точно больничные халаты; восковые, безжизненные их лица, как и лица больных, производят тяжелое впечатление... Скопчих я не видал, но слышал, что скопчихи вообще не в состоянии достигать своих религиозных целей подобно мужчинам: после всевозможных уродований своего организма они все-таки иной раз волнуются страстями и похотями. Да и мужчины не избавились от всех страстей. Освободив себя от волнений любви, они впали в страсть копить, приобретать, так или иначе зашибать копейку. Страсть к стяжанию главным образом побуждает их и к постоянному труду и к промышленной предприимчивости. Оттого все они люди зажиточные, некоторые – даже почтенные капиталисты...

Эти-то добровольные евнухи толкаются на моранском базаре промеж полногрудых мингрелок и гурянок. *Les extrêmes se touchent*. Под навесом раскидистых каштанов и орешников, в этом не насаженном руками человека саду, туземки, хотя не задаваясь никакими верованиями³, жадно посматривают кокетливым взглядом на любителей их прелестей...

Впрочем, на моранском базаре встречаются и щеголи-мингрельцы. Иные из них лихо гарцуют на коне, потряхивая черными кудрями, едва прикрытыми пестро-вышитой

³ Трудно определить религиозность туземцев: они и язычники, и магометане, и христиане – всего понемногу. Вернее, у них нет своей религии, а есть некоторые, весьма немногие религиозные обряды, позаимствованные у соседей-язычников, магометан и христиан.

куди или папанакки – кружком черного сукна, подвязанным на ремне под подбородок и надвигаемым то на глаза, то на темя, то на затылок, смотря по тому, как падают лучи солнца.

Как ни картинна пририонская страна, как ни красивы ее жители, а все же вы придете чуть ли не в ужас, если только дадите полную веру путешественникам, описывавшим здешнюю жизнь, а главное – если не возьмете на себя труда проверить их описания требованиями здравого смысла и указаниями исторической науки.

В конце XVII века, проездом в Персию, посетил пририонский край швейцарский путешественник, m-r Le chevalier Chardin, и в первых двух томах своего десяти томного сочинения, изданного еще в 1711 году в Амстердаме, поместил несколько любопытных известий о западном Закавказье. Эти известия отчасти собраны им самим, а еще больше позаимствованы от отцов театинов, которые поселились здесь с 1627 года, то как медики, то как миссионеры. Без сомнения известия их о пририонском крае не отличаются ни религиозной, ни социальной терпимостью.

И вот этот Шардэн послужил обильным источником для следовавших за ним в долину Риона нравоописателей-путешественников. Чуть развернешь любое из их сочинений о Гурии и Мингрелии, так уж и изволь вслед за авторами хныкать по поводу всевозможных пороков местного населения⁴.

⁴ Укажу на некоторые сочинения и статьи о пририонском крае: *Voyages de M-r Chevalier Chardin en Perse et autres lieux de l'orient*. Amst. 1711. X vol.; voyage

«Нищета, – твердят они, – в крае ужасная; дети – полунагие, испачканные; женщины – в высшей степени развратные; мужчины – плуты и разбойники; а все вместе, и дети, и женщины, и мужчины, – страшные пьяницы». «Je n'ai rien vu de sale de dégoût comme cela!» – воскликнул Шардэн, и вслед за ним до сих пор путешественники большею частью служат эхом такого благодного возгласа. Сколько мне известно, только путешественник le chevalier Gamba отнесся к жителям Мингрелии хоть несколько вежливо, сказавши мимоходом, что нравы их, после путешествия Шардэна, значительно улучшились. И слава Богу!.. А более других добродушный путешественник, барон Гакстгаузен, чуть не плачет даже и о том, что здесь, в Мингрелии, когда-то аргонавты искали золотое руно, что здесь, на Рионе, когда-то любилась Язон и Медей, – и увы! всего этого не осталось и следа в воспоминаниях людей, ныне населяющих эту землю... Я бы мог утешить достопочтенного путешественника, сказавши, что мне доподлинно известна одна мингрелка, которая не только помнит об аргонавтах, но считает себя в прямом родстве с Медеей и даже показывает кубок, некогда напоявший уста Язона: быть может, и утешился бы этим сведением добро-

autour du Caucase, par Dubois de Montpéroux. Paris. 1838-43. VI vol.; Voyage dans la Russie méridionale et cet., par Le Chevalier Gamba. Paris, 1826, 2 vol.; Закавказский край, Ф. Гакстгаузена, 2 части, 1859 (перевод с немецкого); Статистическое описание Кутаисской губернии – Лаврентьева, СПб. 1858; Заметки на пути из Одессы в Тифлис – Н...а (Южн. сборник, 1859 г., № 8 и 9); Очерки Западного Закавказья – С. Рыжова (От. записки, 1860 г., № 5), и др.

душный немец, да легко ли станет от того самым мингрельцам?..

И отчего же так жалки и отвратительны обитатели рионской долины? «А все потому, – твердят одни путешественники, – что они бедны». «Нет, – замечают другие, – потому что они не столько бедны, сколько невежественны...». «Да еще ленивы», – добавляют третьи. «Нет, это все еще не то... – перебивает кто-то, – главный источник зла скрывается в невежестве жителей и в совершенном неразумении ими собственной своей пользы». Еще бы! Какие, в самом деле, чудачки эти пририонские жители: даже собственной своей пользы не разумеют?! И за это, именно за это обратился к ним другой путешественник с такою речью: «О копители неба! Какое самое заботливое правительство в состоянии вас вывести из того состояния невежества, глупости и лени, в которых вы коснеете?..». Жаль, что мингрельцы не читают по-русски: они бы, наверное, исправились от такой изящной и назидательной речи. Но я должен сообщить подобным путешественникам, что им несколько противоречит один русский смотритель пририонской станции. На вопрос мой, что он скажет насчет туземцев, он отозвался, что – «и говорить об них не стоит: сказано – пропащий народ! даже в праздник работает, все равно, что нехристь...». Неужели? Да они – говорят – ленивы, три дня в неделю празднуют?.. – «Э, кто не рад полениться! – заметил смотритель, – только у них вся беда из-за того, что праздников не почитают...». «Да, прав-

да! – подумал я. – Вот и барон Гакстгаузен испорченность пририонских жителей приписывает именно упадку церкви. Но к этому Гакстгаузен привлек в виновные еще и высшие слои общества...». Словом, как видите, причин жалкого состояния обитателей рионской долины оказывается много, и нельзя не сказать, что эти причины одна другой несколько противоречат. Ради этих-то противоречий и нужно как можно обстоятельнее осмотреться в здешнем крае: быть может, жители его народ еще не совсем пропащий...

Путешественники согласны в том, что пририонский край самую щедрою рукою одарен растительностью. Леса, леса и леса! И какие чудные леса! Крепкая растительность севера соединилась здесь со всею роскошью южной лесной трущобы. Бук, сосна, вяз, дуб перемешиваются с миртовым буком или самшитом, с каштаном, орехом, лавром, чинарой, черешней; у корней этих деревьев растет приземистый кустарник, а стволы их и ветви перевивают паразиты и выющиеся растения; хмель, жимолость, сальсапарель, ежевика, дикий виноград – на огромных пространствах перепутывают всю древесную чащу. Под навесом сплошной листвы всех деревьев и кустарников всегда много влаги, неиссякаемой пищи для растительного мира. «Это наша Бразилия!» – в восторге восклицают заезжие созерцатели этих лесов.

Но сравнивая Бразилию с долиной Риона, не следует, без сомнения, забывать пространство той и другой местности, причем обнаружится и разница в том свойстве обеих стран,

которое называют укротимостью (manageability) природы. В этом отношении долина Риона, как часть, гораздо сподручнее для человека, чем Бразилия, как громадное изолированное целое; с первою совладать несравненно легче, чем с последнею. Однако повод и материал для борьбы человека с природой и там и здесь заключают в себе отчасти и сходство. Восхищающая нас могущественная растительность пририонских лесов действовала и до сих пор действует на их обитателей как гнет, под которым они и кажутся некоторым путешественникам жалкими и отвратительными существами. Но этот гнет имеет еще многих союзников...

Заметим еще, что население, при могуществе естественных сил, здесь ничтожно. В Мингрелии приходится на квадратную версту всего 30 душ, а в Гурии – 27, тогда как, например, в Бельгии, почва которой обрабатывается с громадными усилиями, приходится 175 человек на квадратную версту. Но лет двести назад в Мингрелии, по словам Шардэна, не было и 3 человек на квадратную версту. Следовательно, и недостаток населения был тоже значительною помехою пририонцам в этой борьбе с могучею природою, мешавшею их развитию.

Все путешественники по Риону согласно повторяют, что здесь, как прежде, так и теперь, нет ни городов, ни деревень⁵, все жилища разбросаны там и сям по стране. Селись, где хо-

⁵ При Шардэне, на берегу моря было только две деревни; теперь, благодаря русскому управлению, на их месте два города...

чешь в этих густых лесах – таков естественный закон и обычай. Но для селитьбы нужно сперва срубить или сжечь частичку леса, на пепелище поставить двор и огородить его: тут уже образуется начало поля... Значит, в этой стране происходит до сих пор еще только первый акт жизни человека, как обработывателя земли; до сих пор здесь длится еще процесс выхода земли и людей из состояния первобытной естественности, – производится еще только противоположность леса и поля. Лишь на берегу моря, руками нетуземцев устроились два местечка, – пожалуй, два города – и лишь тут произойдет противоположность города и земли, а отсюда уже может пойти – как справедливо говорит Риль в *Land und Leute* – «социальное преобразование, толчок за толчком в естественной жизни народа». К этому естественному движению вперед туземное население не дошло само собою: к нему подоспела посторонняя помощь. Климатическая постановка страны баюкала его к бездействию, не упражняла его способностей и, баюкая, помешала ему выпутаться на свет, на простор из так называемого лона природы.

И в самом деле, к чему тут, казалось бы, излишние заботы, к чему предприимчивость? Ведь природа, по-видимому, взяла на себя всю ласку материнского ухода за населением... Почва здесь и сама собою чрезмерно плодородна: она дает урожай кукурузы сам 40-80, томи (род маиса) – сам 80-120, пшеницы – сам 20-30. Довольно обработать пять кцев земли (кцева = $\frac{1}{3}$ десятины) – и сыт на весь год; самая же обра-

ботка состоит в том, что слегка взрывают почву плугом на паре волов. При том же в Гурии ежегодно две жатвы: одна в апреле, другая в сентябре; осенью сеют пшеницу, а весной, по уборке хлеба, то же поле засевают гоми и кукурузой. Но и этого мало. Двор здешнего поселянина непременно растит на себе несколько каштановых, несколько ореховых деревьев – почти то же, что хлебные деревья Полинезии; огородку двора обвивают тыквы, а за огородкой – лес, перепутанный виноградником. Как ни груба выработка здешнего вина, а все же в Мингрелии вырабатывают его столько, что средним числом приходится по 450 бутылок на человека! Можно, стало быть, и пить... И действительно, вино здесь пьют и женщины, и дети, – только это вовсе не пьянство. И напрасно путешественники приходят в ужас от здешнего будто бы непомерного потребления вина: оно здесь напиток обычный, противодействующий вредному влиянию сырого климата, и столько же еще с детства приуроченный к организму человека, как в других местностях пиво, квас и даже вода... А сколько дичи в здешних лесах, сколько рыбы в реках, какое обилие свиней, да еще – как говорят – самых вкусных! «Таких свиней, как мингрельские, говорит Шардэн, нет в целом свете!» Казалось бы, можно ли после этого говорить о бедности обитателей Рионской долины? Где же крестьянин имеет за столом такие деликатные блюда, как каплуны, фазаны, форель, запиваемые вином? Не тут ли, напротив, та благодать, что всяк пребывает под виноградником своим и

под смоковницей своей, яко же Израиль во дни Соломона?..

Но не совсем так было в плодородной долине Риона. Здешние народные воспоминания полны рассказов о прежнем быте при прежних давних обычаях. Единственным собственником был только владелец края; владельческому князю, в своих мелких участках, подражали младшие князья или дзыныки; этим в свою очередь подражали еще более младшие владельцы – дворяне или сакур; весь обычай такого подражания падал на мониан или простых поселенцев. Владельцы имели полную власть над жизнью и имуществом последних: брали у них жен и детей для себя или на продажу; расхаживали по саклям и, не довольствуясь добровольными приношениями, брали все, что попадалось на глаза – курицу, моток шелку; для развлечений и для собственного прокорму кочевали по стране, живя и питаясь на счет посещенных ими дворов, перекочевывали от одних к другим поселянам. Затевалась ли княжеская охота – стада пастухов должны были служить сколько пищею для людной княжеской челяди, столько же и материалом для подарков от князя всякому, кто навещал его на охоте... Все это, без сомнения, очень близко к полинезийскому табу.

К довершению этого весьма неполного очерка всех обычаев, падавших на шею пририонских поселян, нужно прибавить, что к их дальнейшим невзгодам повело еще соседство племен, жадных на приобретение живой собственности. Продажа своих и захват чужих поселян вошли в самый пош-

льный обычай. К тому же обитатели рионской долины – красивое племя. И вот, соседи-магометане стали смотреть на хорошеньких мингрелок и гуриянок как на запасный фонд для своих гаремов: тысячи девочек и мальчиков везлись отсюда ежегодно на продажу в Требизонд, Иконию, Ириссу, Константинополь и Каффу; в XVII веке, по словам Шардэна, из одной Мингрелии продавалось ежегодно в Турцию и Персию до 12 тысяч лиц обоего пола, что – при тогдашнем населении страны всего в 80000 – почти невероятно. Шардэн, однако, объясняет такое обилие Мингрелии живым товаром не чем другим, как многоженством: «этот злой и развращенный, – по его словам, – народ полагает, что иметь много жен и наложниц есть приятное и вместе с тем полезное дело, потому что от этого рождается много детей, которых можно продать на чистые деньги или променять на товары и припасы...». Без сомнения, под народом тут следует понимать не поселян, а владельцев: беднякам не под силу окружать себя гаремом... Тот же Шардэн говорит, что мингрельские поселяне так бедны, что имеющие рубашку и какое-нибудь нижнее платье считаются уже людьми с достатком, – что, наконец, они убивают новорожденных, как бы избавляя несчастных от нищеты и страданий... Но богатели ль сами владельцы? В ответ на это приведу слова Гакстгаузена о последнем Дадидане, как главе всех мингрельских владельцев: по нем можно судить и об остальных. «Доходы его, – говорит Гакстгаузен, – состоят из естественных произведений земли, которые, если

обратить в деньги, при трудности сбыта очень незначительны, хотя во владении его 100 квадратных миль плодородной земли. Иногда нет у него даже 25 рублей, чтобы заплатить нужнейшие счета. В 1843 году он за 200 рублей дозволил турецкому спекулянту вывозить сколько ему можно было корабельного лесу...»

Теперь мне кажется нечего уже больше распространяться о причинах всех зол, угнетающих обитателей долины Риона. Упомянутые мною путешественники пусть сколько угодно разглагольствуют о лени, о невежестве, о неразумении собственной пользы, об упадке церкви и тому подобных причинах жалкого быта пририонских поселян. Надеюсь, читатель в этот раз встанет на сторону естественных и исторических условий страны, как на мерило природных сил населения, и не забудет, что для окончательного приговора о нравственности народа нужно справиться, что терпел он в былые годы, что он переживал и переживает, и что затупляло его мысль и чувство. Взявши все это в расчет, быть может, мы освободимся от традиционного, слишком барского взгляда на вещи и не станем строго относиться к некоторым, по-видимому, выходящим из ряда вон явлениям из быта бедных пририонских обитателей.

Впрочем, не залезая ни в трущобу здешних лесов, ни в трущобу изысканий о быте здешних поселян, а любуясь только окрестными видами и встречными лицами, как проезжий, вы и не догадаетесь, что перед вами не рай, а проклятая зем-

ля, что приветствует вас не блаженствующее, а загнанное природой и историей племя. До того подкупает вас в свою пользу наружность той и другого. Не может быть, – скажете вы, – чтоб страдало это веселое, пляшущее, поющее существо, каким обыкновенно кажется встречный туземец. Нет на нем отпечатка нищенского и рабского гнета; напротив, разодет ли он или же едва прикрыт лохмотьями, он одинаково держит себя, сколько картинным, столько же и бравым человеком. Значит, племя это далеко еще не пропащее.

По крайней мере я, прежде чем задуматься о былом и настоящем этой страны и ее жителей, невольно поддался навязанному от нее чувству красоты, как художник. Прошли впечатления красоты, их место заступил грустный анализ ее, а все же в результате осталось убеждение, что первые впечатления были не даром, что-нибудь же они да значат...

Я видел отряд гурийской милиции, выступавшей в поход против горцев Кавказа. Это были brave молодцы, в полном смысле этого слова. В красиво шитых куртках и в широких шароварах, перетянутые цветными поясами, из-за которых, торчали щегольски отделанные кинжалы и пистолеты, они не шли, а прыгали, как бы хвастая всею легкостью и грацией своих движений; на плечах у них мотались длинные, серебром убранные винтовки; на головах, поверх роскошных черных локонов, живописно повязаны были башлыки; лица их – все молодые, выразительные, с бойкими черными глазами... Любой клефт не мог бы держать себя и картиннее, и отваж-

нее! Я узнал потом, как они вели себя в деле против горцев: нужно было употреблять усилие, чтобы сдерживать порою их неуместный пыл при встрече с хитрым и опытным неприятелем; многие из них поплатились жизнью за свою отвагу. Как угодно, а это не сброд; это дети, весело прыгающие, пляшущие и поющие в ожидании похода, как особенно веселого праздника: ну, и поплатились за это... а все же нельзя не сказать: то были бойкие дети.

Я видел гурийцев и в другом положении: не разряженных, а в рубищах, на тяжелых работах близ Поти, копавших землю и разбивавших щебенку для шоссе. Они также глядели весело и разливались в песнях... «Ничего, – говорил мне начальник работ, – работают исправно, только надо порою немного их баловать – праздник невзначай устроить или обедом угостить, не то как раз соскучатся и разбегутся». Вообще этот ленивый, как его величают, народ вовсе не прочь работать, когда видит, что труд его вознаграждается, что у него заводится своя копейка, на которую никто не посягает. Я знаю, например, что на некоторых рыбных заводах Азовского моря в числе забродчиков бывают захожие мингрельцы; хозяева заводов не нахвалятся их трудолюбием, опытностью и честностью как рабочих, а между тем у себя на родине мингрельцы слывут за из рук вон ленивый и вороватый народ. Значит, домашний гнет не совсем еще искажил их добрую в существе своем натуру. Без этой доброй натуры и гуриец, например, не мог бы постоянно выказывать весе-

лое расположение духа: на нем и одежды нет, и в желудке его камнем лежит одно гоми, а он – ничего, все весел, все поет. Пририонские лесные чащи беспрерывно оглашаются его заливною гортанною песнью – вот теми самыми горловыми трелями, читатель, что слышим мы у заезжих к нам тирольцев. Иной раз, в тишине леса, шумит пароход по Риону; кажется – кругом живой души нет, и вдруг из-за прибрежного куста раздается невзначай самая залихватская трель за трелью; эхом отзывается она там и сям; глядишь – и сам певец выскочил из-за куста на открытый берег, да от нечего делать пустился вприпрыжку наперегонки с пароходом. Как первый стимер на Миссисипи пугал и занимал краснокожих американцев, так и рионский пароход все еще служит диковинкой для гурийцев и мингрельцев. Едва он остановится у пристани, как уж любопытная толпа туземцев оглядывает его с берега, дивится, говором и руками выражая свой неподдельный детский восторг. Но капитаны не пускают их на палубу: «Как раз чего-нибудь недосчитаешься после их визита, – такой уж вороватый народец!..». Помню, раз к пристани подъехала верхом на коне княгиня-туземка. На ней был обыкновенный грузинский наряд, но конь ее разубран был на диво: грива звенела мелкими серебряными монетами, седло расшито было самым блестящим узором, и весь он был укутан шаялями как попоной. Княгиню сопровождала свита. В виду парохода, под навесом ореха, разостлали бурку, усадили на нее княгиню, дали ей в руки дымящуюся трубку с длин-

ным чубуком и затем доложили капитану, что княгиня желает осмотреть пароход. Ну, княгине не отказали... Только вслед за нею вошла на палубу и княжеская челядь, а за челядью прорвалась и вся толпа, глазевшая до тех пор с берега. Пароход на этот раз был осмотрен туземцами до последних его уголков и закоулков, не оставлены были без внимания ни одна его веревочка, ни один винтик; все не только осмотрели, но и обнюхали. Капитан, без сомнения, сердился: да чем же виноваты туземцы? Ведь они все-таки – опять скажу – не глупое стадо; их детско-любопытный осмотр всякой вещицы на пароходе красноречиво говорит в их же пользу...

Право, мы слишком барски относимся к этим дикарям, к этим детям природы, которых страну, однако, колонизируем и беремся приобщить к цивилизации. Тут, на новом месте, можно бы и не держаться обычной рутины. Перед нами новый, совсем не наш мир, а мы все смотрим на него по-нашему, по-обычному, не справляясь – соответствует ли наш взгляд этому не нашему миру. Вот хотя бы и о здешних женщинах... Наши путешественники на Рион все еще твердят о них отзыв Шардэна: *Le femmes sont très belles... mais du reste les plus méchantes femmes de la terre; fières, superbes, perfides, fourbes, cruelles, impudiques.* Удивительно, как автор ни разу не запнулся, исчисляя все эти качества пририонских женщин; но это далеко еще не все, что изволил подметить в них всевидящий путешественник. Об их неряшестве и зловонии, об их пьянстве и бесчинных разговорах –

у него немало красноречивых строк... Действительно, читатель, как ни привлекательна наружность мингрелок и гуриянок, как ни роскошно развиты их бюсты, как ни лоснятся их густые смолистые косы, как ни лукаво блестят из-под пушистых ресниц жгучие черные очи этих румяных смуглянок, – все же помните, что эти, как говорят о них, весьма благосклонные красавицы вполне женщины Востока. А о женщинах Востока я могу лишь напомнить вам справедливый отзыв вашего многовидевшего скитальца П.В. Берга: «Что собственно до лиц, – говорит он о восточных женщинах, – точно: лица бывают совершенное загляденье; но может ли значить что-нибудь лицо, когда, откинув мысленно чадру, вы должны необходимо представить, что там, прежде всего, чрезвычайно грязное и нескладное платье и еще грязнейшая сорочка и шаровары, в которых женщина спала, быть может, месяц, не раздеваясь...». При взгляде на мингрелок и гуриянок вам нечего мысленно откидывать чадру: тут она у низших сословий не в моде, – и платья их, нужно сказать, не совсем нескладны, – напротив, щеголеваты и своей яркой пестротой очень идут к здешним женщинам-смуглянкам. Но действительно, и здесь в обычае крайняя восточная нечистоплотность: говорят заподлинно, что рубахи здесь не снимаются до тех пор, пока не износятся на теле. В этом обстоятельстве обитательницы рионской долины не ушли вперед от целого Востока; винить их за это было бы крайне несправедливо. Но кроме неряшества, в них видят еще самых бес-

стыдных и самых злых женщин земного шара. Это уж чересчур! Где же факты для такого слишком обширного суждения? Из-за того, например, что ревность здесь не в ходу, или, по крайней мере, из-за того, что муж, заставши жену свою с посторонним, не ярится по-европейски, а лишь требует с похитителя его собственности – свинью, которую и съедают все трое прикосновенные к делу; из-за того, наконец, что женщины здесь пьют вино как обычный напиток и не знают, что такое европейская скромность в разговоре и в обхождении, – из-за всего этого нечего восклицать, что мингрелки или гурянки – *sont les plus méchantes femmes de la terre!* Народ живет еще естественною, животною жизнью, – как же требовать от него, чтоб в его среде вырабатывались наши идеалы о женщине? Женщина здесь собственность, товар; преимущественно же соседи-турки изволили развить здесь такой сладострастный взгляд на женщину. А чуть существует известная нелепость – существуют без сомнения и все ее нелепые последствия. И до сих пор и не турку отец-мингрелец приведет свою дочь: одень дескать ее, покорми с недельку, все же семье легче... Ну, и женщина здесь такова, какую сделали ее исторические обстоятельства; но в одной ли долине Риона женщина – продажный товар?..

Наконец, читатель, прогуляйтесь мысленно в этих пририонских лесах и природных садах. Солнце не жжет, хотя в воздухе душно; оно чрез тонкий пар смягчает свои острые лучи, нежит сквозь влажную мглу всю гущу растительности,

поднявшую к нему лепестки и листья. И неистощимо несется к нему благоухание всех этих цветов и зелени – благоухание тяжелое, одуряющее. Особенно после ночного дождя, при ясном утре, в гуще здешних садов голова кружится: дождевые капли блестят, скатываются, падают, деревья от этого и без ветра шепчут; листья их выпрямляются, точно растут на ваших глазах; чувствуешь, как соки переливаются в гибких ветвях, как они поднимаются в нежные ткани цветка и разносятся из него в воздухе густым ароматом. Бездна жизни под ногами, в густоте укрытых в тени влажных растений; бездна ее вокруг, в этих вьющихся по стволам деревьев лианам здешних мест; бездна ее вверху, над вами, в позлащенных солнцем верхушках столетних деревьев, переливающихся то жемчугом росы, то изумрудом листвы.

Все пьет в себя влажный воздух, все изливается в благоуханиях... Читатель, если бы вы испытали на себе эту одуряющую и сладострастно-разнеживающую глушь подобных трущоб, вы бы уже поняли, что здесь нельзя себя чувствовать хотя бы, например, так, как чувствуется в каком-нибудь расчищенном, жиденьком парке. А потому надо быть справедливым и к обитательницам долины Риона. Верьте, в постоянном чаду их роскошных влажных лесов животные побуждения не легко сдерживаются...

Бросаю последний взгляд на эту живописную страну. Под долиной Риона, в настоящей статье, я разумел тот низменный участок Западного Закавказья (длиной более 100 и ши-

риной при взморье около 70 верст), который, будучи огражден со всех сторон горами, только в юго-западном направлении падает широким устьем к Черному морю, орошаясь многими боковыми и главными реками, текущими с боков и в параллель к главнейшей из них – Риону. Этот участок отличается почти тропическими растительностью и климатом; отличительною чертою последнего служит влажность: дождей здесь выпадает больше, чем где-либо в Закавказье. Влажно-жаркий здешний климат, сколько полезен для чахоточных, столько же бывает причиной злых лихорадок и водянок; впрочем, осушка болот значительно поуменьшит страхи, распространенные о рионских лихорадках.

Только побережья Риона, с их лесными угольями, доступны наблюдениям проезжего; глубь же гурийских и мингрельских лесов не перерезана дорогами и не посещалась почти никем из путешественников. Прежде, до открытия пароходства по Риону, сколько-нибудь проезжим трактом этой страны служила еще выючная дорога от Редут-Кале к Марани; теперь же – Редут запустел и оживает Поты; чрез него направляется как торговля, так и пассажирское движение от моря в Закавказье и обратно. По таможенным сведениям, этим путем провозится транзита в последнее время более 200 тысяч пудов, вывозится и привозится товаров на сумму до 5 миллионов рублей и пассажирского движения бывает более 3 тысяч человек в год.

Русское правительство недавно взяло под свою опеку этот

край. Хотя первое появление русских на Рионе относится к 1770 году, но окончание последней восточной войны можно считать той эпохой, с которой начались здесь действительные русские распоряжки. С этой поры произошли следующие факты, значительно изменившие наружность этого дикого края: в 1856 году возрожден порт в Потти; в 1858 году открыто пароходство по Риону; в 1860 году Потти и Тифлис соединены телеграфной проволокой; в 1861 году открыт шоссейный военно-имеретинский путь, сделавшийся главной артерией закавказского транзита, и в то же время усилены работы по шоссе вдоль Риона до самого Потти, так что в 1862 году уже открыт участок дороги от Кутаиса до Марани; в настоящем году возобновились работы для устройства гавани в Потти. Кроме того, внутри Мингрелии за это время образовался маленький цивилизованный пункт на месте бывшей резиденции Дадианов, сожженной в 1855 году. В этом поместье бывших владельцев Мингрелии – Зугдиди – теперь сосредоточено управление мингрельским округом и находится квартира одного из кавказских линейных батальонов; тут – лучший в крае сад с рассадником фруктовых и оливковых деревьев, а также виноградных лоз, вывезенных сюда из Крыма; тут работает значительное по своим оборотам шелкомотальное заведение; в 1862 году здесь учреждена школа, и в ней уже обучаются полсотни туземцев... Все приведенные здесь факты сами по себе довольно красноречивы и без сомнения возмущают дичь рионской до-

лины; к ее девственным лесам как-то не идет ни шоссе́нный путь, ни свист паровика, ни электрическая проволока; наша маленькая Бразилия как раз перестанет быть собою. А тут еще замышляют и железную дорогу... В настоящем году в мингрельских лесах открыты золотоносные россыпи: старое золотое руно Колхиды из мифического мрака опять выказывается на вид свету...

Но самый без сомнения важный факт русского управления в этом крае – разрешение туземного крестьянского вопроса.

Не считаю себя настолько прозорливым, чтобы заговаривать о будущем этого края... В пририонских лесах уже стучит русский топор; около Поти лес уже редее́т; думается, что природа нашей маленькой Бразилии скоро укротится. Я настолько верю в силу пририонской природы, что она только слегка просветит свои густые чащи; я верю даже и в то, что она своей прекрасной живописной постановкой произведет воздействие в новых обитателях своих. Но эта моя вера – все-таки туман, сквозь который трудно что-то отчетливо взглянуть, как трудно рассмотреть и побере́жья рионской долины сквозь стелящийся над нею естественный туман, встречающий и провожающий заезжих к ней любопытных посетителей.

1864 год